

Н. С. ДЕМКОВА

Из истории русской повести XVII в.

Об одной древнерусской параллели к повести Н. В. Гоголя «Вий» («Повесть о некоем убогом отроце»)

В рукописной тетради в 4-ку, без переплета, состоящей из 16 л. (ЦГАДА ф. 187 (собр. ЦГАЛА), оп. 1, № 66), датируемой первой четвертью XIX в. (бумага с филигранью — двуглавый орел в круге, литеры «ЯМБА», дата «1814»), на л. 1—7 находится обнаруженная нами «Повесть о некоем убогом отроце», который «молением матерним ко святому отцу Николе чудотворцу не токмо богатство получи, но и царем соделася». ¹ Текст этой древнерусской повести замечателен очевидной близостью к сюжету гоголевского «Вия», к его фантастической и трагической кульминации: он содержит интересную параллель к сцене последнего испытания Хомы Брута — к сцене чтения им в церкви Псалтири над умершей панночкой-ведьмой.

Герой повести, безымянный купеческий сын, обнищавший после смерти отца и всеми отвергнутый (мотив блудного сына), получает, по молитве матери к Николе-чудотворцу, «чудесного помощника». Он попадает на корабль неизвестного ему седого старца (в полную волю которого отдает его мать), и тот берет его с собой торговать. Однако торговля в заморском царстве, куда они вскоре приплывают, задерживается самим царем (мотив, известный по «Повести о Басарге»): условие торговли — чтение Псалтири в церкви над мертвой царевной (мотив народной сказки), царевна же — «обладана дьяволом» и «поедает еретичеством своим на каждый день по человеку». Отрок дважды читает Псалтирь в церкви вместо двух своих дядей-купцов, получая за это их корабли с товарами, а в третий раз — читает за себя. С помощью старца, советующего посыпать пол «вкруг налою» песком и читать Псалтирь без страха, «не усташась царевны», отрок выходит из испытания живым и невредимым, а на третью ночь — освобождает от заклятья и саму царевну, ставшую его невестой (ср. мотив «некнижного жития» Николы, освободившего беснующуюся в церкви девицу²). Нищий

¹ Рукопись писана полууставным почерком, в конце тетради, на л. 16 об., сохранилась запись писца (владельца?): «Сей список Андрея Кузнецова». В состав рукописи входят еще четыре текста: «Слово о царе Агее» (л. 7 об. — 10), «Слово о неиспытанных судьбах божиих» (л. 10—11 об.), «Слово о Федоре-купце, иже взима злато у жидовина» — из Пролога, 31 октября (л. 11 об.—14 об.), выписки из житий (л. 15—15 об.).

² См.: Орлов А. С. Русское «некнижное» житие Николая Чудотворца // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 347—358. — Аналогичный сюжет, совпадающий во всех узловых деталях, имеет сказка «Иван купеческий сын отчитывает царевну»: по совету матери, герой находит «чудесного помощника» — старца, плывет с двумя своими дядями на кораблях в «чужестранное царство», читает за своих родственников и за себя Псалтирь над мертвой царевной, поедающей каждую ночь по человеку, получает в награду за свои труды корабли с товарами, с помощью старца вначале оживляет, а затем и избавляет от «злого духа» царевну, женится на ней и т. д. См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 73—75.

отрок становится теперь царем, а пренебрегавшие им дядья служат ему, как «раби» (реализуется мотив христианской литературы — «неисповедимости судеб божиих», мотив, разрабатываемый во многих оригинальных повестях XVII в. — о Марфе и Марии, об ангеле, ослушавшемся бога, о паре Агее, и др.). Однако сюжет повести этим не исчерпывается, действие продолжается далее, причем уже после наступившей развязки: в сюжет вводится — в духе сюжетных контаминаций XVII в. — новый мотив демонстрации демоноборческой силы «чудесного помощника», и, соответственно, возникает вторая развязка. Во время путешествия по морю при возвращении отрока-царя с женой к матери старец окончательно освобождает царевну от бесовской власти, разрубая ее пополам и изгоняя «демона», а затем и уничтожая его своею секирою: «Демон и з секирою утопе в море». Только вернув царевну отроку, отрока — матери, а корабли с товарами — дядям, старец открывает свое имя («Аз есмь Николай Мирликийский») и исчезает (подобно ангелу в «Повести о царе Агее», повести «О искушении бога, о царе некоем» в Жюлевском сборнике,³ и др.).

Популярный персонаж народных верований Никола-угодник выступает в этом тексте во всем многообразии своих функций: он — «чудесный помощник», победитель бесов, покровитель брака, искусный врачеватель.⁴

«Повесть о некоем убогом отроце», и созданная, по-видимому, в XVII в. на основе сказок и народных преданий о Николае-чудотворце,⁵ примыкает одновременно к циклу повестей о купцах (к изучению этой группы повестей как произведений, характерных для XVII в., призывает исследователь Д. С. Лихачев⁶), и особенно близка она по тематике и ряду мотивов к «Повести о купце, купившем мертвое тело».⁷ Яркая особенность повести — то, что она была создана на основе сказочного сюжета о смерти ведьмы и о чтении над ней в церкви Псалтири, мотив которого использовал Н. В. Гоголь в повести «Вий».⁸ Однако только ли далеким предшественником Н. В. Гоголя выступал древнерусский книжник? Не была ли и сама

³ См.: ГИМ, Синодальное собр., № 908, л. 53—55 об. — В настоящее время повесть издана: Р о м о д а н о в с к а я Е. К. Повести о гордом царе. Новосибирск, 1985. С. 285—286.

⁴ Об этом см.: Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточно-славянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

⁵ См., например: Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. Казань, 1914. с. 88—89 (запись из собрания В. Даля).

⁶ Лихачев Д. С. Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 526—527.

⁷ См.: Русская повесть XVII века. Л., 1954. С. 126—135. — Здесь есть и мотив демоноборчества «волежного помощника», и связь с народным культом Николы (погребение мертвого тела, выкупленного у кредиторов купеческим сыном, совершается в монастыре «чудотворца Николая»). С описанием изгнания беса в «Повести о некоем убогом отроце» здесь совпадает момент умерщвления «змея», выходящего из уст царевны: «Слуга же . . . вынеса меч и удариша ее. Она же паде на землю, аки мертва. И выскочивши из нея изо уст змеинное гнездо, в нем же змеенков семьдесят, аки черви колышуща. Слуга же, подняв ее и перекрести, и даде ему живу. . .». Сходные эпизоды можно найти в сказке «Иван купеческий сын отчитывает царевну»: старик «выхватил меч и рассек царевну надвое — поползли из нее разные гады и змеи. Старик перебил всех гад и змей, сложил царевнино тело, взбрызнул раз святою водою — тело срослось, взбрызнул в другой — царевна ожила и сделалась краше прежнего» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 3. С. 75) и в «Сказке о Силе-царевиче и об Ивашке-белой рубашке»: «Ивашка-белая рубашка набрал костер и зажег, выхватил меч и рассек королеву надвое . . . Как скоро рассек он королеву — из чрева ее поползли всякие гады . . . Пожег всех гадов, потом сложил тело королевы и sprынул живую водою: в ту же минуту она ожила и сделалась столь же кроткою, сколь прежде была злою». (Там же. С. 278).

⁸ Исследуя фольклорную основу «Вия», В. И. Еремина пишет: «Целый цикл сказок о ведьме лег в основу „Вия“ и особенно выделяет ряд украинских сказок, близких повести Н. В. Гоголя («Видьма та видьмак» — в издании М. Драгоманова, «Видьма» — в издании И. И. Манчжуры, «Упирь и Миколай» — в издании И. Рудченко). См.: Еремина В. И. Н. В. Гоголь // Русская литература и фольклор: (Первая половина XIX в.). Л., 1976. С. 256—257; см. также: Восточнославянская сказка: Указатель сюжетов. М., 1977.

рукописная повесть знакома Гоголю? Трудно сказать . . . Тем не менее следует обратить внимание на то, что повесть эта примыкает к «некнижным» вариантам чудес Николая-чудотворца, особенно популярным в украинской и белорусской рукописной традициях,⁹ и вероятность интереса Николая Васильевича Гоголя к народной точке зрения на культ популярного и соименного ему святого достаточно велика. Кроме того между текстом повести и гоголевской интерпретацией поведения Хомя Брута в церкви есть существенная точка соприкосновения — христианская идея о необходимости спасительной веры (может быть, даже слепой). Никола говорит отроку: «Егда царевна встанет и придет к тебе, ты же никакоже утрашися ея, токмо читай, ничтоже сумневайся». Настойчивое желание Хомя Брута (его имя прихотливо соединило представление о древнеримском герое-тираноборце и непослушном ученике Христа Фоме «неверующем», усомнившемся в воскресении учителя) — взглянуть на Вия — на фоне этого рассуждения воспринимается как молодецкое «самохотие», самоволие, осуждаемое средневековой традицией, а мгновенность его смерти оказывается как бы реализацией евангельской формулы об исполнении «божьей воли» «в мгновении ока». Отметим также, что в древнерусской повести появляется тема, отсутствующая в сказке и весьма важная для повестей Гоголя, — тема материнской любви и молитвы за отрока, мотивирующая в сюжете древнерусской повести возникновение «чудесного помощника» (ср. обращение сына к матери с просьбой о молитве за него в трагическом финале гоголевских «Записок сумасшедшего»).

Из факта знакомства Н. В. Гоголя с народными поверьями о 29 февраля и Касьяне, послужившем источником образа Вия (это было выявлено А. А. Назаревским¹⁰), следует вывод, что, создавая повесть, Гоголь пользовался не только сказочными материалами, но и материалом устных и, возможно, письменных агиографических легенд, связанных с традициями рукописных книг.

Таким образом, «Повесть о убогом отроце», наряду с уже установленными фактами чтения и использования Н. В. Гоголем жития византийского мученика Акакия (по-видимому, по Минеям Четиим Дмитрия Ростовского¹¹), Домостроя, Пролога и сочинений Иоанна Златоуста,¹² расширяет круг древнерусских параллелей к повестям Гоголя¹³ и одновременно дополняет новыми материалами проблему связи русской средневековой литературы с литературой нового времени.

Вновь найденная повесть публикуется ниже по второму известному нам и более раннему списку XVIII в.¹⁴

⁹ См. выше, сн. 2.

¹⁰ Назаревский А. А. Вий в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля // *Вопр. рус. лит.* Львов, 1969. Вып. 2. С. 39—46.

¹¹ См.: Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л., 1985. С. 318.

¹² См.: Птиченко М. «Выбранные места из переписки с друзьями» и традиции древнерусской литературы: *Дипломное сочинение, защищенное на кафедре истории русской литературы ЛГУ в 1985 г.* Машинопись.

¹³ Установленная В. Э. Вацуро интересная и беспорная реминисценция в гоголевском «Вии» (в редакции 1842 г.) из романа А. Ф. Вельтмана «Светославич, вражий питомец. . .» (М., 1835. Ч. 1. С. 105—107) в сцене осады церкви нечистью (см.: Вацуро В. Э. Из наблюдений над поэтикой «Вия» Гоголя // *Культурное наследие Древней Руси*. М., 1976. С. 307—311) может быть дополнена указанием на типологически близкий вариант разработки этого мотива в древнерусской «Повести о согрешившем пресвитере», известной мне по рукописному сборнику 1665 г., переписанному и, возможно, составленному новгородским посадским человеком С. В. Жюлевым (ГИМ, Синодальное собр., № 908): в повести описывается осада церкви птицами, которые должны заклевать грешницу. Текст рукописной повести оказывается весьма близким к тексту А. Ф. Вельтмана и, соответственно, Н. В. Гоголя. Отметим попутно, что сюжет, использованный «Повестью о некоем убогом отроце», послужил также основой для повести А. М. Ремизова «Верный» (или «Никола Верный» (1915)). См.: Ремизов А. 1) Николины притчи. Пгр., 1917. С. 52—62; 2) Три серпа. Париж, 1929. Т. 2. С. 116—127.

¹⁴ Список был любезно указан мне Е. К. Ромодановской. — «Повесть о некоем убогом отроце» находится на л. 85—89 об. (верхняя пагинация) старообрядческого

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Повесть о некоем убогом отроце, иже^а молением матерним ко святому отцу Николаю чудотворцу не токмо богатства получи, но и царем соделася л. 85

З е р ц а л о

Бысть в Палестинских странах в некотором граде, стоящаго близ моря, живяше в нем купец вельми богат и знаем всеми гражданы, имея у себя токмо единого сына млада отрока, и держа его во всяком наказании и страхе божии. И повелением божиим оный купец умре, а сын его младый отрок остася един с матирею своею. И нача жити пространно и прохладно, и отеческое изживение все испроверже, и в убожество такое прииде, что и пици не имея, и прося у сродников своих и у граждан дневняя пици. И никтоже ему не даяше, видяша его непостоянство, и всегда измираша голодом.

Мати же его господу богу моляшеся и призываше на помощь всегда угодника его, великаго святителя Николая чудотворца, дабы сын ея возвратился на истинны путь.

И некогда сродники их, дядие сыну ея, идуще в торговлю с товары кораблями || в заморския страны. Тогда мати онаго отрока прииде к ним и глаголаше с плачем: «О милые сродницы мои, примите сына моего, да он с вами торговлю будет иметь!» И даваше им оставшаго от имения мужа своего токмо едино сто сребренник. Они же рекоша ей: «Отдаждь сие сыну своему, да поне и оные избудет в проклад свой». А сами с кораблями поидоша. л. 85 об.

Она же горко нача плакати и рече сыну своему: «Что ми с тобою будет?! И сродницы от тебя отступисася, а другие кто тебя возмет за твое неистовство!» И в горести и плачи восклицаше: «О великий угодниче Христов, святителю Николаю чудотворче! Помилуй мя, грешную, и з чадом моим, буди помощник и заступник в беде сей! Како ты святыми своими молитвами везде избавляеши, тако и мене спаси и помилуй с чадом моим и не даждь вскоре изриновенной быти».

И в том молении стоящу ей и з сыном на брегу и видяща пловущ един корабль по морю, на нем же стоящ муж благообразен и сединами украшен и лицом велми светел — той бо есть святитель Христов Николай чудотворец. А оная жена не ведая, кто есть.

И приста ко брегу и рече: «О жено, чесо ради || тако плачеш и почто на помощь призываеши Николая чудотворца?» Она же поведая ему все прикличашася. Скорый же помощник и теплый заступник Николай чудотворец рече ей: «Отдаждь ми сына своего, аз возму его для торговли. Токмо повели ему быти послушну ми и ничтоже без воли моей творить». Она же падоша ему на нозе и отдаде сына своего. л. 86

И егда прият его божий угодник на корабль, тогда поднышася ветрило само о себе, и понесоша корабль по морю вельми быстро.

И тогда божиим повелением оных дядей ево принесоша на кораблях в некоторое царство, в котором царстве лежит в церкви царевна, мертвая и обладанная дияволом, и поедает еретичеством своим на каждый день по человеку.

И егда они присташа ко брегу, тогда царевы стражие взяша их и с кораблями, и товары их осмотреша, и предаша их под охранение царское. И по мале времени прииде и угодник Христов Николай чудотворец и с племянником их отроком. К ним же никтоже смеяше приступити.

сборника в 4-ку, 192 л., писанного полууставом во второй половине XVIII в. Состав: выписки из «Книги о вере», повесть об отроке, «чудеса» богородицы (из «Звезды пресветлой»), «Слово о неисповедимых судьбах божиих», «Слово Ишполита, папы Римского, об антихристе», жития Мины, Онуфрия Великого, Киприяна-мученика, «Чудо о царице Франчийской, «Слово о царе Агеи» и др.

^а *Испр., в ркл. и.*

И увидеша племянника дядие и подивися о том, како он прииде с таковым благообразным мужем, а не ведая, кто с ним на корабле.

4. 86 об. В то же время || прииде цареvy слуги и повелеша первому дяди итьти в церковь к царевне для читания Псалтыри. Он же ужасошася и призва отрока, и рече ему, чтоб он шел за него в церковь. Тогда отрок рече ему: «Егда повелит ми оный благообразный муж итьти, то я за тя и пойду». И поведае о том угоднику божию, яко просту человеку. Тогда святитель Христов Николай чудотворец глагола отроку: «Поиди за него, егда отдаст тебе корабль и с товары». Дядя же обеща ему корабль свои отдати и с товары, с написанием, а сам размышляя, яко ему тако от царевны будет кончина, а не ведая о том божию воли и чудес святителя Николая чудотворца и ни во что вменяя.

И по обещании того вдаде ему святыи узел песка и рече отроку: «Егда ты приидеш в церковь к налою, то посыпь вокруг его песком и начни читать Псалтырь. Егда царевна встанет и приидет к тебе, ты же никакоже утрашися ея, токмо читай, ничтоже сумневайся».

4. 87 Тогда отрок взя данное ему от святого, и прият благословение, и поиде в церковь. И егда страж церковный пусти его внутрь церкви, где царевна-еретича мертвая, и запре церковь, и запечатов || царскою печатью, тогда отрок прииде к налою и повеленное ему от святого сотвори: осыпаша песком и ста чести Псалтырь.

И егда наставшу полунощи, и восташа царевна из гроба, и прииде ко отроку, и хотяху его жива поглотити, и не можаху к нему блиско прийти, и языком своим доставаху, яко серпом махаху, и другими мечтами на него меташася. И ничтоже сотвори. И доиде чтения девятыя кафизмы 67 псалма «Да воскреснет бог, и разыдутся врази его», и царевна паде во гроб свой и омертве.

О братие и сестры! Видите, како Псалтырь есть добро читати! И диявол никакоже что может сотворити!

И наставшу утреннему пению, прииде страж церковный и по обычаю отпечатав и отопре церковь и, увидев отрока, стояща жива, и поведа о том царю. Царь же о том подивися и повеле отрока отпустити.

Отрок же, отслушав утренню, и прииде на корабль свой здрав, прием благословение от святого, а не ведая о том, кто есть.

4. 87 об. Дядя же вельми о том смугися, и не хотя корабля с товары ему отдати и называху его чародеем. Святыи же повеле отроку итьти к судии || и объявити рукописание. И егда написание предложено судии, тогда и корабль отдан бысть отроку и с товары.

Во вторую же ноц и меншему дяди ко оной царевне повелено итьти. И таким же образом сотворися и оному дяди. И оба дяди стаха в убожестве.

В третью же ноц достася итьти отроку за себя. Тогда святыи повеле ему: «Егда царевна к тебе приидет, и ты ея по чтении псалтырнаго удари оною Псалтырию троекратно и глаголи: „Во имя отца и сына и святого духа, аминь!“»

4. 88 И егда прииде отрок к церкви, и церковный страж по обычаю впусти его в церковь и запре, и запечата, отрок же нача чести Псалтырь, царевна же востаха и нача скакати и руками плескати и языком его, яко косою, доставати и страшаше всякими привидении, и ничтоже сотвори. И егда отрок сконча псалтырное чтение и согнув книгу, и удари царевну по главе троекратно, тогда царевна ста на месте кротко и смиренно, озираяся семо и овамо. И рече отроку: «Ты кто еси?» Он же глагола: «Аз есмь создания божиа, человек». И повеле ей сотворити || молитву Иисусову. Она же сотвори молитву. И стаха оба поблиску себя.

И егда прииде страж церковный, и по обычаю отопре церковь и сотвори молитву, тогда отдаша «аминь» мужеск и женск глас, и увиде царевну, стоящую близ отрока смиренну. И затвори церковь и, шед, поведа о том царю. Царь же взя с собою вельможей своих и поиде в церковь.

И вниде, и виде царевну, дочь свою, стоящу близ отрока здраву, тогда приступи к ним и рече: «Ты ли еси дочь моя единородна?» Она же рече: «Аз есмь». И повеле ей творити молитвы.

Царь же собра в церковь митрополиты, архиепископы и епископы, и весь причет церковный и нача молебствовать господу богу и пресвятей богородице и угоднику Христову Николаю чудотворцу о таком избавлении дщери своей от насилия дияволи. И услыша о том царица, и вси граждане стекoшася на такое чудо. И по отпении молебна глагола царь отроку: «Возми сию дщерь мою за ся, тебе ради и твоими молитвами здрава сотворися». Он же рече: «Не мною сие сотворися, || но божим л. 88 об. повелением и наставника моего, мужа благоговейна, именем Николая».

Тогда царь рече: «Где оный муж есть?» Он же рече: «Обитает на корабле». И царь посла к нему архиепископа с причтом и вельможи своими, а сам царь поиде со отроком и царевною в свои царские чертоги.

И егда приидоша архиепископ с вельможи на корабль к тому благоговейну мужу, и увиде его, и поклонилася ему, и размышляя в себе: «Воистинну, сей муж непрост человек есть». И поведает ему о отроке и царевне вся бывшая. Оный же муж глагола ему: «Сие сотворися божим повелением и молением матерним отрока онаго». И поиде с ними к царю.

И егда прииде к царским чертогам, и царь встрече его, и поклонися ему, и подивися благообразию его, и не смея спросити, кто он есть, и вшед в чертоги. Тогда отрок и с царевною падше на нозе его и ничтоже вещаше, токмо глагола: «Святче божий, помилуй ны!» И оный муж благослови их и рече отроку: «Сия девица буди тебе супруга».

И по мале времени царь отдаде дочь свою за отрока и учини его на свой престол царем. || И бысть в том царстве велия радость. И егда л. 89 отроку бывшу царем, тогда дядие его служаху ему, яко раби. И потом святой рече ему: «Поими ныне войско и повеле корабли уготовити, и поидем во отечество твое, да ты отдам матери твоей, понеже бо она нас ожидает и плачь на плачь прилагает».

И егда корабли уготовися, и войска в корабли седоша, а отроку и з женою святой же повеле быти на корабли своем, и пустишася по морю, и припешу ко отечеству его.

Тогда завидеша того града граждане и жены дядей его, и рече: «Сии корабли оных мужей». И радовахуся оные жены, а мать отрока плакаше и в перси бияше. Оные же посмевахуся ей и глагола: «Уне сын твой с кем поиде на корабли?» И чая его быти в нищенстве.

И егда приидоша ко брегу, и увидеша войска на кораблях, а отрока царем, а дядие служаху ему рабами, тогда вси граждане ужасoшася, како то сотворися.

И призва святой отрока и рече ему: «Отдаси мне половину || жены л. 89 об. своей и разрубим надвое, понеже, егда кто с кем торг имеет, то по половине разделяют, а мы с тобою сию девицу обще из мертвых воскресили». И отрок велми о том смутися и ничтоже глагола. Святой же взя царевну и положи на доску корабельную и взя секиру и возмохнуса. И абие изыде из нея демон, яко вран. Тогда святой секиру на врана бросив, и демон и з секирою угоде в море.

И взя святой царевну и даде отроку, и рече ему: «То есть половина моя». И призва мать его и глагола: «Сего сына приими от мя сохранна». Потом повеле отдати дядием корабли и с товары. Вдова же паде святому на нозе: «Благодарю тя за твое великое милосердие и благость». И рече святому: «Прошу тя, кто еси ты?» Он же рече: «Аз есмь Николай Мирликийский». И в том часе невидим бысть.

О братие! Како моление матерне велико есть, а отеческое благословение свято!

Отрок же поят мать и сродники своя и возвратися во свое царство. И тако живяше царем благоугодно даже и до скончания века своего. ||